

Главное
Повестка дня
Тема недели
Тема года
Украинский бизнес
Международный бизнес
Экономика и финансы
Политика
Общество
Наука и технологии
Культура
Книги
Эксперт Авто
Рейтинги
Регионы
Страновой проект
Галерея
Оперативные Новости

Пресс-релизы
УХУЖДЕНИЕ В РЕАЛЬНОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ, УЛУЧШЕНИЕ В ФИНАНСОВОМ — ИЮньСКИЙ КОНСЕНСУС-ПРОГНОЗ 24.06.2009
Журнала Эксперт Украина совместно с компанией АСЕР, проводит подписную акцию 03.06.2009
«EuroGate'09»: Развитие бизнеса в новых условиях мировой экономики» 14.05.2009

Баеры-партнеры

Тел. (044) 536 1999 Тел. (044) 451 4510

Тел. (044) 490 8118

Главная	Реклама в журнале	Форум	Контакты
О журнале	Архив	Реклама на сайте	

Вторая тридцатилетняя война

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

За кризисом коммунизма неизбежно последует кризис либеральной демократии. Мир сейчас переживает не просто экономический кризис, а очередной этап перехода от Модерна к Постмодерну в цивилизационном понимании этих терминов

Все крупнейшие события XX века напрямую связаны с развитием, расцветом, закатом и упадком коммунизма. Полную драматизма историю прошлого века нельзя понять без осмысления ее базового процесса — грандиозной попытки строительства коммунизма. Между тем, несмотря на огромный массив информации и тысячи научных работ, коммунизм остается загадкой. Загадкой, от которой отмахнулись, осудив и заклеймив с помощью глобальной пропаганды. Не осмыслив коммунизм как общественную практику, невозможно понять историю прошлого века, а следовательно, и делать корректные прогнозы на будущее, в том числе ближайшее.

Попробуйте ответить на следующие вопросы. Почему коммунизм, долгое время находившийся в состоянии призрака или в лучшем случае одной из многих радикальных теорий, вдруг резко овладел массами в планетарном масштабе? Как страны, идущие по пути строительства коммунизма во время его расцвета, смогли достичь феноменальных темпов научно-технологического, экономического и культурного развития, несмотря на жуткие войны и репрессии? Почему, по меньшей мере, дважды мир был на грани мировой коммунистической революции? Почему так очевидно сходство коммунизма не только с фашизмом, но и с протестантизмом эпохи Реформации и ранним христианством? Почему наиболее эффективная до этого общественная система в 60-х годах XX века начала тормозить, а в 90-е просто распалась? Почему в некоторых современных странах коммунистические принципы не только популярны у населения, но и эффективны экономически? Почему трансформация посткоммунистических государств идет не только и не столько в направлении демократического, рыночного и социально ориентированного общества?

На наш взгляд, понимание сложных и длительных процессов, таких как развитие коммунизма, возможно только на основе междисциплинарного анализа, этически, идеологически и религиозно нейтрального, имеющего не отраслевую, а временную специализацию, и самое главное, способное представить экспериментально проверяемые результаты. Метод, который, по нашему мнению, позволяет исследовать этот процесс, — цивилизационный анализ. А экспериментально проверяемым результатом является средне- или долгосрочный прогноз протекания объективных процессов цивилизационного развития.

Не призрак, а цикл

С точки зрения Модели развития технологической цивилизации коммунизм — циклическая идеология. В фазе медленного, стабильного развития он находится в невяном состоянии призрака. Либо все желающие строить справедливое и гармоничное общество могут перебраться на невоенные территории и там экспериментировать. Этот вариант работает, когда есть возможность проведения масштабной колонизации. Причем неважно, в какое историческое время — схема открытого варианта работает и в античной Греции, и в постреформаторской Западной Европе.

В состоянии призрака коммунизм неистребим и может находиться в этой фазе многие столетия. Тем более что невозможно до конца искоренить память о прошлых попытках его построения как величайших и героических эпох былого. Коммунистическая мечта о возможности преодоления технологических, биологических и социальных ограничений остается жить в легендах и песнях.

Затем приходит фаза ускоренного развития. В китайской циклической традиции ее принято называть Временем Перем. В европейской линейной исторической традиции три последние фазы ускоренного развития назывались Эпохой Крестовых Походов, Эпохой Возрождения, Реформации и Великих географических открытий и Эпохой Модерна. Сначала происходит накопление количественных изменений: поток научно-технологических открытий, новые виды ресурсов и новые месторождения старых видов,

увеличение мобильности. Затем примерно через одно поколение всё больше людей начинают искренне верить, что ускоренные темпы развития будут всегда. Их жизненный опыт только подтверждает такое убеждение. Это поколение революционеров, пророков и вождей.

Становится очевидным несоответствие традиционной экономической, политической, религиозной и культурной структуры общества резко возросшим темпам его развития. Одновременно делается вполне реальным коренное преобразование структуры общества и преодоление ставших уже неэффективными сословных, имущественных, образовательных и культурных различий. Кажется возможным достижение всего, включая бессмертие, построение мира гармонии и благополучия. Идея овладевает массами и происходит Великая Революция. Реформа или взрывное распространение новой религии. Действительность оправдывает ожидания настолько, что мелкие несоответствия либо не замечаются, либо воспринимаются лишь как временные задержки на пути к всеобщему счастью.

Внедрение кардинально новых технологий требует значительной концентрации имеющихся ресурсов. Ее обеспечивают экспроприация и репрессии. Уровень кровавости противостояния революционеров и контрреволюционеров задается внешними условиями. Если бы на рубеже XIX–XX веков второй Колумб открыл очередной Новый Свет, то мировых войн могло бы вообще не быть.

С цивилизационной точки зрения стремление к коммунизму — это великая попытка технологическим путем преодолеть как биологические ограничения каждого человека, так и ресурсные ограничения цивилизации в целом и построить общество всеобщего достатка (оно же Царство Божье на земле).

Но фаза ускоренного развития (очередной Скачок) завершается. Вначале это незаметно, поскольку накоплен огромный запас открытий, но не проверенных экспериментально научных достижений, разработанных, но не реализованных в массовом производстве инноваций. Постепенно замедление темпов развития почти во всех сферах развития цивилизации становится очевидным.

Система общественного устройства, настроенная революционными преобразованиями на быстрые темпы развития при их значительном замедлении, быстро дряхлеет и разрушается. Утопичность возможности построения коммунизма становится такой же очевидной, как совсем недавно ее реалистичность. И коммунизм постепенно угасает, снова превращаясь в призрак. Формально он может остаться и даже внешне процветать во многих странах, как это было с распространением христианства в Риме и протестантскими конфессиями после окончания Реформации. Но коммунисты без требования немедленной и полной отмены частной собственности по сути уже не являются таковыми. Компартии могут эволюционировать в консерваторов левого толка или во что-нибудь еще, но о построении коммунизма как о конкретном плане реальных преобразований, поддерживаемом большинством, можно забыть... ровно до следующего Времени Перем. Понятно, что тогда и коммунизм станут по-другому называть, и Скачок будет иметь свое собственное название.

Такой подход позволяет дать определение исторической практике коммунизма как цивилизационного циклического процесса. Коммунизм — это радикальная версия Модерна, фазы быстрого развития.

Модерн завершился

Циклическое видение коммунизма (Скачка) дает возможность установить прогноз, также основанный на Модели развития технологической цивилизации, — вслед за бывшими социалистическими странами масштабный системный кризис начнется в развитых странах. И причины кризиса будут одинаковы как для социалистического лагеря, так и для либерально-демократического.

Но почему стадия кризиса завершения коммунизма должны проходить не только коммунистические страны? Такой прогноз во многом очевиден. Кризис коммунизма был связан с окончанием Модерна во всем мире. К тому же на быстрые темпы развития была настроены не только страны, строящие коммунистическое общество.

Фантастические темпы развития демонстрировались при германском фашизме. Многие десятилетия после войны ученые всего мира использовали и развивали идеи и наработки, созданные в поверженном Третьем Рейхе. Западные страны после Великой депрессии длительное время тоже ориентировались на быстрые темпы интенсивного развития во всех областях. Это и направленная на развитие внутреннего спроса монетарная политика, и увеличивавшаяся доля ВВП, распределяемая через бюджет, и ориентация на средний класс с обеспечением социального, расового, гендерного, религиозного и другого равенства. Не случайно критики, обвиняя промышленника **Генри Форда**, нередко называли его социалистом. Да и «скандинавская модель» социализма тоже появилась не на пустом месте.

Но Модерн закончился — темпы развития значительно снизились. Перестройка вместе с гласностью, демократизацией и рыночными отношениями оказались не в состоянии обеспечить ускорение — то, ради чего задумывались реформы. И социалистический лагерь развалился как картонный домик. Но темпы развития продолжают снижаться. Подошла очередь рухнуть либерально-демократическому лагерю. Былые реформы 30–60-х годов минувшего века, определившие его лицо, становятся слишком тяжелым бременем. Попытки западных правительств обеспечить ускорение по эффективности сравнимы с усилиями советских руководителей. Имеющиеся резервы (огромная масса накопленного капитала, перероентация экономики на выпуск товаров статусного спроса, дизайн и эргономику, использование возможностей энергосбережения, вынос производств, милитаризм и экспорт кризисов и др.) близки к исчерпанию. Экономика ведущих старых развитых стран находится в глубоком застое, постепенно переходящем в рецессию.

Таким образом, кризис коммунизма и кризис либеральной демократии — явления одного порядка, неизбежно следующие друг за другом. Это этап кризиса перехода от Модерна к Постмодерну в цивилизационном понимании этих терминов. Очевидно, что наблюдаемые события не закончатся локальным ипотечным и финансовым кризисом, циклической рецессией или даже новой Великой депрессией.

В то же время тотальная мировая война в ближайшие десятилетия практически невозможна, как она была неизбежна в первой половине прошлого века. Наиболее близкая историческая аналогия ассоциируется с такими давними временами, что ученые и эксперты предпочитают о ней не упоминать. Речь идет о продолжительном и масштабном кризисе, связанном с завершением эпохи Реформации, Возрождения и Великих географических открытий, исторической традицией, которую назвали Тридцатилетней войной. Это была очень необычная война, даже, скорее, не война в привычном понимании этого слова, а типичное Смутное время. Тридцатилетняя война — одна из самых масштабных по числу стран-участниц, общей территории противостоящих сторон и своей длительности.

По нашим расчетам, активная фаза кризиса начнется не позднее 2015 года. По времени кризис продлится одно поколение — примерно тридцать лет — и будет напоминать Смутное время. Тем, кто помнит распад социалистической системы, достаточно легко представить его начало, экстраполировав картинку на планетарный масштаб. Как лопнули связи внутри Совета экономической взаимопомощи, а затем и внутри СССР, так рухнет и глобализация. Вопрос не в том, насколько упадет та или иная валюта или фондовый индекс, а в том, смогут ли они вообще сохраниться. Вспомните, как быстро советский рубль стал деревянным, денежные потоки остановились, а товарные сошли и свелись к бартеру, и вся, еще недавно могучая, экономика разваливалась на глазах. Нас ждет вторая серия этого увлекательного сериала. Причем кризис постсоветского пространства был смягчен Западом, как по остроте, так и по продолжительности. А кризис перехода самого Запада к Постмодерну смягчать некому.

Мы все пассажиры

Конечно, история, хоть и циклична, но никогда не повторяется в полной аналогии. Вторая Тридцатилетняя война будет отличаться от Первой. Нет, не тем, что люди стали значительно умнее, цивилизованнее и добрее, отличия проявятся во внешних условиях. Реализация технологических достижений эпохи Возрождения позволила открыть Новый Свет, полный ресурсов и готовый к колонизации на существовавшем тогда технологическом уровне. Расширение цивилизации в результате технологического прорыва Модерна оказалось гораздо скромнее. Результатом является дефицит ресурсов, избыток рабочей силы, а также обострение экологических проблем.

Понятно, что эти факторы серьезно обострят предстоящий масштабный кризис, и многие процессы будут происходить в противоположном направлении, нежели во время Тридцатилетней войны. Например, тогда совершался переход от территориального принципа комплектации армии, собиравшейся на временной основе, к созданию больших профессиональных и постоянных вооруженных сил. Во время следующей тридцатилетней смуты произойдет обратный процесс — громоздкие высокотехнологичные армии окажутся неэффективными в изменившихся условиях новой ползучей войны.

Второе отличие — влияние Малого Ледникового периода в XVII веке и вероятность в ближайшие десятилетия XXI столетия глобальных климатических изменений, не связанных с деятельностью цивилизации.

Прогноз, основанный на Модели развития технологической цивилизации, позволяет видеть развитие текущего кризиса со стороны сверхдолгосрочных комплексных процессов цивилизационного развития, а не со стороны отраслевых краткосрочных, например экономических, процессов. В этом плане текущий кризис завершения Модерна как фазы ускоренного интенсивного развития можно образно сравнить с режим торможением автомобиля со скорости 200 до 20 км/ч.

Первая фаза — движение по инерции. Автомобиль уже тормозит, а находящиеся в салоне пассажиры, двигаясь по инерции, этого еще не замечают.

Вторая — столкновение. Пассажиры внутри сталкиваются с конструктивными элементами автомобиля. Одного спасут ремни безопасности, другой разобьет голову о стекло, а кто-то рискует вылететь через него наружу.

Третья — откат пассажиров назад после столкновения.

Четвертая фаза — осознание того, что ехать с прежней скоростью уже невозможно, и нужно продолжать движение в другом автомобиле, более приспособленном для езды с медленной скоростью.

Мир в глобальном масштабе сейчас находится накануне второй фазы кризиса, которая, на наш взгляд, может начаться в любой день в течение ближайших шести лет.

Поэтому не стоит надеяться на быстрое преодоление кризиса, на возможность его переждать, кардинально ничего не меняя. Огромный массив исторической информации служит не для того, чтобы на потребу властей одних славить, а других клеймить. Анализируя его, мы должны понять будущее и свои возможности влиять на него.

Ищите аналогии в XVII веке
<p>Тридцатилетняя война (1618—1648) — один из первых общеевропейских конфликтов, война между двумя группировками сильнейших европейских государств. Габсбургский блок (Австрия и Испания), стремившийся главенствовать над всем христианским миром, вступил в борьбу с Голландией, Данией, Россией, Францией и Швецией. Габсбургов поддержали Папа Римский, католические князья Германии (Католическая лига 1609 года) и Польско-Литовское государство. Началом войны послужило чешское восстание («Пражская дефенестрация») против господства Габсбургов.</p> <p>В 1620 году была разгромлена Чехия, что дало Габсбургам ощутимый перевес. Но в 1625-м против них выступила протестантская Дания. Католический лагерь одержал несколько побед и вынудил Данию в мае 1629 года выйти из войны. В 1628 году на севере Италии начались вялые столкновения между Францией и силами Габсбургов, длившиеся три года. В 1630-м в войну втянулась Швеция, войска которой прошли всю Германию. В 1632 году против Польши выступила Россия, но потерпела поражение, заключив через два года Поляновский мир. В сентябре 1634-го при Нердлингене шведов разбили объединенные войска Католической коалиции. В 1635 году Стокгольм был вынужден подписать с Габсбургами Парижский мирный договор, к которому присоединились некоторые германские протестантские князья. В том же году Швеция заключила с Польшей Штумсдорфский договор и Сен-Жерменский договор с Францией. Начался последний, решающий период войны, в ходе которого Франция вела военные действия против Испании и Германии. Постепенно военное превосходство склонялось на сторону противников Католической коалиции. После нескольких побед над Габсбургами (при Рокруа, Нердлингене) Франция и Швеция приступили к разделу Германии. По Вестфальскому миру 1648 года к Швеции отошли устья судоходных рек Северной Германии, к Франции — Эльзас, Верден, Мец и Туль, Голландия получила независимость от Испании. Шведские войска находились в Германии еще пять лет, а война Франции с Испанией продолжалась до 1659 года.</p> <p>Главный урок Тридцатилетней войны состоит в том, что старые методы организации армии и ведения боевых действий оказались малоэффективными в новых условиях. Постоянно сменялись главные театры военных действий, всё больше государств втягивалось в конфликт. Кризис внутри стран зачастую был очень острый. Именно в этот исторический период зафиксирован всплеск локальных гражданских войн, этнических и религиозных чисток, экономических блокад. Некоторые ведущие центры геополитического влияния быстро утратили свои лидирующие позиции. Они не только не смогли обеспечить распространение религиозного, идеологического, экономического и военного влияния, но и сами подвергались жесточайшим внутренним кризисам с реальными угрозами раскола и территориальными потерями.</p> <p>Большинство людских потерь не было напрямую связано с боевыми действиями: огромное количество людей умерли от эпидемий, природных катастроф, последствий экономических блокад и разрушения сложившихся хозяйственных связей. Казалось, великие идеи Возрождения были похоронены навсегда. Научно-технологическое развитие сильно замедлилось — война не стала катализатором его ускорения. Грузопоток как внутри Европы, так и в межконтинентальной торговле сократился в разы. Глобализация сменилась переходящей в раздробленность регионализацией, а наиболее пострадавшие регионы пришли в запустение.</p> <p>Андрей Несмачный, Владимир Стус</p>
Авторы: Владимир Стус, Ирина Константинова